

Е.В. Махмутова

О НОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Китай и страны Центральной Азии выходят на новый уровень взаимоотношений на фоне сохраняющейся международной напряженности и активизации американской дипломатии в регионе. 2022 год прошел под знаком празднования 30-летия установления дипломатических отношений между КНР и странами Центральной Азии (ЦА), в связи с чем был проведен онлайн-саммит на уровне глав государств. А в мае 2023 г. состоялся первый очный саммит Китай—Центральная Азия, ознаменовавший собой новый этап в отношениях между сторонами.

Ранее отношения между КНР и странами региона не были институционализированы в рамках особого форума: они развивались как в двустороннем формате в рамках китайской инициативы «Пояс и путь», так и в составе ШОС, куда также входят и другие крупные региональные «игроки», такие как Россия, Индия, Пакистан. Однако теперь стороны договариваются о создании нового прямого механизма кооперации, который призван стать регулярной диалоговой площадкой для прямого взаимодействия сторон. В связи с этим важным представляется изучить специфику взаимодействия на треке Китай—Центральная Азия, институциональный потенциал нового диалогового формата и его отличия от уже существующих площадок взаимодействия.

В статье анализируется текущее состояние отношений стран региона и Китая, отмечается все более растущая экономическая зависимость центральноазиатских государств от китайских инвестиций. Рассматривается динамика отношений на фоне растущего давления на КНР и на Центральную Азию со стороны западных политических

сил, опасющихся обхода Китаем и странами ЦА антироссийских санкций. Автор отмечает актуальность новой переговорной площадки, однако полагает, что она не станет сопоставимой альтернативой уже существующим форматам. На среднесрочную перспективу ее ключевая задача — расширение существующих цепочек кооперации, углубление китайского проникновения в экономику Центральной Азии, а для центральноазиатских «игроков» — диверсификация международно-политических форматов, в которых они принимают участие, параллельное развитие нескольких переговорных треков.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, интеграция, экономика, Инициатива «Пояс и путь», санкции, параллельный импорт, инвестиции, безопасность.

Автор: *Махмутова Евгения Викторовна*, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (адрес: Москва, Ленинградский проспект, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ye. V. Makhmutova

About China's new political mechanism in Central Asia

Abstract. China and the Central Asian countries are entering a new level of relations against the backdrop of continuing international tensions and the intensification of American diplomacy in the region. The 2022 is marked by the celebration of the 30th anniversary of the diplomatic relations between China and Central Asian countries. An online summit at the level of heads of state was devoted to that, and in May 2023 the first China-Central Asia face-to-face summit was held, marking a new stage in relations between the parties. Previously, relations between the PRC and the countries of the region were not institutionalized within the framework of a special forum, they developed both in a bilateral format, within the framework of the Chinese Belt and Road Initiative, and as a part of the SCO, which also includes other major regional “players” such as Russia, India, and Pakistan. However, the parties agree on the new mechanism of cooperation to become a regular dialogue platform for direct interaction between the parties. In this regard, it is important to study the specifics of interaction on the China–Central Asia relations and the institutional capacity of the new dialogue format as well.

The article analyzes the current state of relations between the countries of the region and China, and notes the growing economic dependence of the Central Asian states on Chinese investments. The article examines the dynamics of relations against the background of growing pressure on

both China and Central Asia from Western political forces due to their fears of circumvention of anti-Russian sanctions. The article notes the relevance of the new negotiation platform. However, it is noted that it will not become a comparable alternative to existing formats. In the medium term, its key task is to expand existing cooperation chains, to deepen Chinese participation in the economy of Central Asia. And for Central Asian “players” it is important to diversify international political formats, in which they take part, along with already existing ones.

Keywords: China, Central Asia, integration, economy, Belt and Road Initiative (BRI), sanctions, parallel import, investments, security.

Author: Evgeniya V. MAKHMUTOVA, Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: Moscow, Leningradsky Prospekt, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

Введение

Страны Центральной Азии (ЦА) с момента обретения независимости стали объектом пристального внимания со стороны внешних игроков. И несмотря на то, что Центрально-Азиатский регион остается традиционной сферой влияния России, конкуренция за него со стороны других крупных акторов растет. Среди наиболее заметных внешних сил регионального политического поля — Китай и США. И если Китай реализует в целом последовательную политику в отношении центральноазиатской пятерки, а именно сохраняет стабильный интерес к региону, то США с момента начала СВО России на Украине заметно активизировали свою региональную дипломатию, не пренебрегая и угрозами применения вторичных санкций в отношении стран Центральной Азии.

Однако США делают ставку не только на возможное ослабление связи между Россией и странами региона, но и на снижение там влияния Китая, для которого Центральная Азия — не просто региональный сосед, но и важный элемент долгосрочной Инициативы «Пояс и путь».

Обострение геополитической ситуации, вызванное российской специальной военной операцией на Украине, и повлекшей за собой беспрецедентное политическое и экономическое давление на Россию со стороны стран Запада, обусловили рост глобального внимания к

политическим процессам на постсоветском пространстве и в Центральной Азии в частности.

Кейс Украины стал критичным, однако некоторые процессы, происходившие на Украине до 2022 г., можно наблюдать и в Центрально-Азиатском регионе. Трансформируется культурно-гуманитарная политика в этих странах, открываются возможности для более активного вхождения внешних игроков в экономическую, энергетическую, инвестиционную сферы [Великая, 2020, с. 237]. Одним из активных внешних игроков в Центральной Азии по-прежнему остается Китай, однако если до последнего времени его стратегия в отношении ЦА заключалась в реализации концепции «стран сообщества единой судьбы», ставшей идеологической рамкой для «Пояса и пути», то в 2022 г. уже можно говорить о запуске процесса формирования полноценной центральноазиатской стратегии КНР.

Несмотря на то, что Китай на протяжении всего 2022 г. держал некоторую политическую и информационную дистанцию относительно российско-украинского конфликта, его позицию по этой теме трудно назвать пассивной. Так, в частности, Пекин выступил с собственной мирной инициативой, в публичных выступлениях китайских официальных лиц неоднократно звучала мысль об ответственности стран Запада, и главным образом США, за подпитку милитаристского сценария. Поэтому значимость Центральной Азии в текущих напряженных геополитических условиях определяется не только транспортно-логистической составляющей в рамках «Пояса и пути», но и стремлением не допустить опасного для Китая расползания американского влияния по постсоветскому пространству и сближения ЦА с США.

Исследовательская задача статьи заключается в ответе на следующий вопрос: почему при существующих высоких темпах экономического проникновения Китая в регион, развитой сети проектов по добыче ресурсов, инфраструктурных и гуманитарных проектов, высокой динамике двусторонних контактов, активной кооперации по линии ШОС возникла потребность в создании нового кооперационного механизма по линии «Китай—Центральная Азия» и станет ли этот механизм альтернативой существующим региональным форматам?

Характеристика отношений Китая и стран Центральной Азии

Отношения Китая и стран Центральной Азии обусловлены главным образом экономическими интересами. Согласно данным национальной статистики КНР, товарооборот с центральноазиатской пя-

теркой за 2022 г. вырос на 40 %, а с января по апрель 2023 г. он увеличился еще на 22 %, что при сохраняющейся динамике позволяет прогнозировать выход на новый рекорд по годовому товарообороту¹. Для Центральной Азии Китай — один из ключевых торгово-экономических партнеров² помимо России. При этом доля стран ЦА во внешнеторговом обороте Китая настолько мала, что находится в пределах статистической погрешности, а сальдо их торгового баланса с КНР устойчиво отрицательное.

Структура центральноазиатского экспорта в Китай представлена, главным образом, нефтегазовыми ресурсами, а также золотом и алюминием. КНР, в свою очередь, поставляет на рынки региона продукцию с высокой добавленной стоимостью: автомобили, причем не только поддержанные марки американских и европейских производителей, как это было ранее, но и машины собственного производства, автозапчасти, оборудование, электронику, одежду [Рахимов, Парамонов, 2021, с. 60].

Китай остается одним из крупнейших инвесторов в экономику стран региона³. Согласно данным Евразийского банка развития, Китай опережает Россию по объемам прямых иностранных инвестиций. Причем основными направлениями как раз являются страны Центральной Азии: Казахстан (нефтегаз и трубопроводный сектор), Кыргызстан (золотодобыча и нефтепереработка), Таджикистан (золотодобыча, цементный бизнес).

В свою очередь, в самом Китае значимые инвестиции осуществляются только российскими ТНК. Как видно из статистики ЕАБР, Китай сохраняет заинтересованность преимущественно в добывающем секторе и энергоресурсах региона. Однако, как отмечает Я.В. Лексютина, одним из приоритетов КНР, особенно после запуска Инициативы «Пояс и путь», становится развитие инфраструктурного потенциала региона, сети авто- и железных дорог для транспортировки китайских товаров на Запад [Лексютина, 2022, с. 309].

Такая трансформация обусловлена не только запросами китайской Инициативы и ее транзитной составляющей, но и рядом сопут-

¹ Китай и страны Центральной Азии демонстрируют высокий уровень торговли — министр коммерции КНР. URL: <https://russian.news.cn/20230419/070e05e8815345e0a7fd0ca6b4269a80/c.html> (дата обращения: 01.05.2023).

² Согласно данным национальной статистики стран Центральной Азии, в 2022 г. удельный вес Китая в общем объеме товарооборота достигал в отдельных случаях 30 % (Кыргызстан). Наибольший рост демонстрировал также Туркменистан.

³ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР-2022. URL: https://eabr.org/upload/iblock/85f/EDB_2022_Summary_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

ствующих факторов — созданием Евразийского экономического союза и рестрикциями на ввоз китайских товаров в центральноазиатские страны ЕАЭС, отсутствием перспектив создания зон свободной торговли со странами Центральной Азии, а также невысокой покупательной способностью населения региона.

Тем не менее, в 2022—2023 гг. Китай активно развивал все отрасли, находящиеся в фокусе своих интересов, особенно в таких областях, как геологоразведка, добыча нефти и ее переработка, цифровые технологии. Продолжается реализация проектов в сфере строительства автомобильных и железных дорог. Так, на полях саммита ШОС в Самарканде (2022 г.) было подписано соглашение о сотрудничестве по флагманскому проекту железной дороги «Китай—Кыргызстан—Узбекистан».

Сохраняется и развивается сотрудничество между сторонами и в сфере безопасности. Одним из приоритетных направлений остается Таджикистан, обладающий самой протяженной из всех стран Центральной Азии границей с Афганистаном и потому выполняющий своего рода роль буферной зоны для КНР.

Китай участвует в модернизации старых и строительстве новых погранзастав вдоль таджикско-афганской границы, а также строит базу таджикского спецназа в Горно-Бадахшанской автономной области. Кроме того, страны региона активно взаимодействуют с Китаем в рамках многосторонних и двусторонних учений, отрабатывая борьбу с терроризмом. И для Китая, и для стран Центральной Азии в равной степени важны и актуальны вопросы, связанные с внутренней безопасностью и недопущением событий в духе «цветных революций». Об этом, в частности, Си Цзиньпин говорил в своем поздравительном обращении к главам Центральной Азии по случаю 30-летия установления дипотношений¹. Именно деполитизация двусторонних отношений определяет комплиментарный характер диалога между руководством КНР и элитами стран Центральной Азии. Китай публично не увязывает свою готовность сотрудничать с Центральной Азией с вопросами политического характера, как это делают западные страны (соблюдение прав человека, прозрачность выборов, снижение экономических контактов с Россией и другие похожие требования).

¹ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на виртуальном саммите, посвященном 30-летию установления дипотношений между Китаем и 5 странами Центральной Азии. URL: <https://russian.cgtn.com/n/BfJIA-EA-GEA/EIbJAA/index.html> (дата обращения: 01.05.2023).

Китай активно продвигает свои культурные программы и языковые курсы в рамках якорного китайского проекта — Институтов Конфуция; в Центральной Азии их сегодня насчитывается 13. Несмотря на то, что коронавирусные ограничения фактически привели к тому, что возможностей учиться в Китае для центральноазиатских студентов стало меньше, привлекательность китайского высшего образования по-прежнему сохраняется, особенно с учетом растущего в регионе числа китайских предприятий.

Однако, несмотря на то что «мягкая сила» на центральноазиатском треке занимает важное место во внешней политике Китая, она все еще остается только дополнением к китайской экономической «экспансии» и сталкивается с довольно ощутимыми внутренними барьерами. Среди таковых — ограниченное число китайских предприятий в Центральной Азии, где можно использовать китайский язык, разность менталитетов и культур, отдельные случаи синофобии [Махмутова, 2022, с. 273].

Перспективы китайского формата «С+С5»

Формат, предложенный Китаем для Центральной Азии, не является уникальным. В регионе уже существуют аналогичные группы контактов стран Центральной Азии с США, Японией, Индией. С 2022 г. можно говорить и о появлении подобного российского формата. 14 октября 2022 г. в Астане состоялся первый саммит «Россия—Центральная Азия», посвященный 30-летию установления дипломатических отношений России со странами региона.

Примечательно, что ранее Россия выстраивала отношения с центральноазиатской пятеркой на двусторонней основе, что упрощало коммуникацию и позволяло решать сложные вопросы тет-а-тет. Теперь же, когда конкуренция за регион снова активизируется, Россия выходит на новый этап отношений со своими традиционными партнерами.

В марте 2023 г. была принята новая Концепция внешней политики России, некоторые положения которой в определенной степени применимы и к ЦА, несмотря на то, что Центральная Азия не выделяется в документе в отдельное направление¹. В частности, в Концепции говорится о том, что Россия будет стремиться укреплять миро-

¹ Концепция внешней политики РФ от 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.04.2023).

творческий и антикризисный потенциал ООН и ОДКБ. Именно в Центральной Азии уже сегодня существуют ситуации, в которых потенциально могут быть применены оперативные силы ОДКБ, например, пограничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном. В качестве приоритетного направления работы в ближнем зарубежье в Концепции выделяется пресечение инспирирования «цветных революций» и иных попыток вмешательства во внутренние дела союзников и партнеров России.

Таким образом, Россия фактически намерена сохранить за собой роль гаранта безопасности высокого уровня в Центральной Азии, тем более, что другие крупные игроки в регионе не создали сопоставимых по влиянию и наполнению форматов безопасности.

В 2022 г. страны Центральной Азии стали объектом особого информационного давления со стороны западных «игроков», прежде всего США, для которых тесное торгово-экономическое сотрудничество государств ЦА с Россией несет в себе угрозу обхода антироссийских санкций и, соответственно, снижения их эффективности. Американские власти неоднократно указывали на недопустимость параллельного экспорта в Россию подсанкционных товаров под угрозой вторичных санкций. За 2022—2023 гг. американские элиты неоднократно посещали страны региона для прояснения их позиции по текущей геополитической проблематике.

С февраля 2022 г. официальные лица США заметно активизировали контакты с руководителями центральноазиатских государств как в сфере экономики, так и в области военного сотрудничества. Так, например, осенью 2022 г. власти США объявили о том, что начинают работу со странами региона по поиску альтернативных маршрутов поставок товаров из Центральной Азии на внешние рынки в обход России и что цель американской региональной политики — помимо обещанного финансирования демократических преобразований — оторвать экономики стран Центральной Азии от России. В практическом плане это выражалось в разнообразных визитах американских высокопоставленных лиц в Центральную Азию, а формат C5+1 собирался с 2022 г. не один раз — сначала на полях Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, а затем в Астане уже во время центральноазиатского турне госсекретаря США Э. Блинкена. Характерно, что американская сторона подчеркивала важность данного визита именно в годовщину начала СВО, с одной стороны, обозначая недопустимость обхода санкций, с другой — обещая выделить странам региона до 50 млн долл. в качестве компенсационных мер.

На этом фоне стремление Китая создать новую диалоговую площадку с Центральной Азией выглядит как фиксация существующего в регионе тренда. Однако можно предположить, что саммит «Китай—Центральная Азия» внесет свой вклад в поддержание региональной безопасности. В условиях глобальной турбулентности развитие контактов между Центральной Азией и Китаем имеет большое значение для мирного развития региона. На повестке дня в вопросах безопасности, обозначенных лидерами Китая и стран центральноазиатского региона, — борьба с тремя силами зла — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Все эти угрозы в равной степени актуальны как для государств региона, так и для Китая, поэтому обсуждение их в более тесном формате — в целом логичное решение.

Для самих стран Центральной Азии китайская интеграционная политика имеет большее значение, нежели политика США. Тем более, что Вашингтон, в отличие от России и Китая, в рамках формата С5+1 ограничивается представительским уровнем госсекретаря и ниже, в то время как российский и китайский форумы состоялись на уровне глав государств. Это свидетельствует о большей значимости трека для региональной политики России и КНР, нежели для США, которые, судя по заниженному дипломатическому представительству, не намерены переходить к более глубокому принципиальному сближению с регионом.

В то же время можно отметить, что Россия и Китай выступают с близких позиций относительно региональной повестки, которая по большинству вопросов расходится с американским, а зачастую и турецким подходом [Притчин, 2022, с. 120]. Китай намерен концептуализировать свои отношения с Центральной Азией, придать им особые институциональные рамки. Тем более, что в планах Пекина — реализация крупных проектов в гуманитарной и туристической сферах, среди которых — создание «большой семьи» для расширения культурного общения, включение стран Центральной Азии в китайские программы выездного туризма, увеличение квот в китайских вузах для студентов из региона, а также готовность предоставить 500 млн долл. в течение трех лет для осуществления социально-значимых проектов в Центральной Азии¹.

Для России создание новой китайской диалоговой площадки в Центральной Азии в целом не является вызовом при условии усиления динамики взаимных контактов и дальнейшего развития торго-

¹ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на виртуальном саммите...

во-экономических отношений. По-прежнему актуальными остаются такие форматы, как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии), где есть возможность согласовать насущные вопросы повестки в расширенном составе. В то же время Китай демонстрирует готовность «снять с паузы» свою региональную политику после пандемии COVID-19 и сложностей с реализацией отдельных инфраструктурных проектов [Гарбузарова, 2021, с. 62], и в год 10-летия Инициативы «Пояс и путь» обновить ее, придав ей более институционализированный характер на центральноазиатском треке. Тем более, что напряженная внешнеполитическая обстановка усиливает значение Центральной Азии для Китая как важного звена в решении глобальных экономических задач, особенно в контексте нарастающего противостояния с США.

Заключение

Итак, рассмотрев текущее состояние отношений между Китаем и странами Центральной Азии в контексте сохраняющейся международной напряженности, можно прийти к следующим выводам относительного нового диалогового формата КНР с государствами региона.

Во-первых, значение Китая в экономической жизни стран Центральной Азии растет, в отдельных случаях показатели по торговле и инвестициям превышают российские. Это демонстрирует взаимную заинтересованность и центральноазиатской пятерки, и КНР в сохранении тесной коммуникации, развитии проектов в рамках Инициативы «Пояс и путь», создании новых рабочих мест на предприятиях с китайским участием в странах региона, развитии культурно-гуманитарного и туристического сектора, что особенно актуально для Китая после продолжительной политики «нулевой терпимости к коронавирусу».

Во-вторых, важным фактором, стимулирующим встречное сближение и без того тесных партнеров, стало политико-информационное давление на Центральную Азию и Китай со стороны коллективного Запада главным образом США. Принимая во внимание вновь возросший интерес американского руководства к государствами ЦА (но не как к самостоятельным субъектам международных отношений, а лишь как к потенциальным «перевалочным пунктам» доставки подсанкционных товаров в Россию), Китай встречным образом активизирует свою региональную дипломатию в целях недопущения его вытеснения из Центральной Азии.

В-третьих, предложенный механизм «С+С5» не отменяет уже существующие форматы взаимодействия КНР со всеми пятью государствами Центральной Азии как в многосторонних форматах, так и на двусторонней основе. Создание нового механизма — это в том числе стремление соответствовать тренду, особенно с учетом того, что внутри самой Центральной Азии пусть и медленно, но уже ощутимо формируется собственное интеграционное начало, прежде всего, путем объединения усилий стран региона для решения старых проблем (в энергетике, некоторых приграничных споров, в транспортно-логистической сфере и др.).

Библиографический список

Великая А.А. Проблемы и перспективы развития гуманитарного сотрудничества на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2020. № 3(3). С. 235—241.

Гарбузарова Е. Внешняя политика стран Центральной Азии: итоги 30-летнего развития // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. Вып. 24. С. 52—65. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.4.05>.

Лексютина Я.В. Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25(25). С. 305—320. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018.

Махмутова Е.В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27(27). С. 268—283. DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014.

Притчин С.А. «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 6(66). С. 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123.

Рахимов М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1(1). С. 52—66. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-52-66.

References

Garbuzarova, E. (2021). Vneshnyaya politika stran Central'noj Azii: itogi 30-letnego razvitiya [Foreign policy of the Central Asian countries: results of the 30 years of independence], *Central'naya Aziya i Kavkaz [Central Asia and the Caucasus]*, Vol. 24: 24: 52—65. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.4.05>. (In Russian).

Leksyutina, Ya. V. (2020). Kontury ekonomicheskogo prisutstviya Kitaya v Central'noj Azii [Contours of China's economic presence in Central Asia], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity]*, Vol. 25:25: 305—320. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10018. (In Russian).

Mahmutova, E. (2022). Kitajskaya «myagkaya sila» v Central'noj Azii: perspektivy i ogranichiteli [Chinese soft power in Central Asia: perspectives and limits], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity], Vol. 27: 27: 268—283. DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014. (In Russian).

Pritchins, S. (2022). «Bol'shaya igra 2.0» v Central'noj Azii na sovremennom etape [Big game 2.0. in Central Asia nowadays], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], Vol. 6: 66: 112—123. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123. (In Russian).

Rahimov, M.; Paramonov, V. (2021). Sravnenie ekonomicheskikh otnoshenij Rossii i Kitaya so stranami Central'noj Azii [Comparing economic relations between Russia and China with Central Asia], *Rossiya i mir: nauchnyj dialog* [Russia and the world: scientific dialog], Vol. 1:1: 52—66. DOI: 10.53658/RW2021-1-1-52-66. (In Russian).

Velikaya, A. (2020). Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnogo sotrudnichestva na postsovetskom prostranstve [Problems and perspectives of the development of humanitarian cooperation on the Post-Soviet area], *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], Vol. 3:3: 235—241. (In Russian).